

Нашей словесности нужна новая литературная критика

Литература – это всегда образ будущего. По этому образу можно судить о состоянии общества и его перспективах. В нашей словесности просматривается несколько трендов.

Что у нас есть? Препарирование, точнее вивисекция советского периода исторической России, с неизбежными негативными выводами. Вампиры, пьющие кровь пионеров («Пищеблок» Алексея Иванова). Преследуемые злой властью татары и немцы (романы Гузели Яхиной). Изнемогающие под «пятым пунктом» евреи (произведения Дмитрия Быкова, Алексея Варламова и других лауреатов «Большой книги»).

Игровая (по Бахтину) карнавализация реальности. Больные или психически неадекватные люди попадают в разного рода невозможные и невообразимые с точки зрения нормального человека ситуации. Отличительная черта этих произведений – мозаичное построение сюжета и «невыносимая легкость» авторского взгляда на происходящий абсурд. Подобная литература – «пушечное мясо» лонглистов «престижных» литературных премий.

Поверх премиальных барьеров, как невидимый знак бытия, мерцает литература «золотого рыночного сечения». Ее скользкий жанр можно определить как негативную иронично-презрительную по отношению к обществу, власти, традициям и прочему утопию. Но это не простая утопия. Она отрицает действительность, но не призывает ее изменить, сделать лучше. Она, скорее, примиряет с «царящим злом», поскольку предполагаемое будущее обещает быть

куда более жестоким, страшным и безнадежным. Эта литература пользуется наибольшей популярностью у читателей и издателей. Романы Пелевина выполняют функцию умиротворяющей анестезии для больного и встревоженного общественного сознания, аккумулируют в себе невидимый опосредованно-охранительный посыл. Любые изменения – зло. Стабильность и несменяемость существующего порядка – благо. Собственно, это и есть основополагающий принцип официальной культурной политики.

Недавний яркий пример – фильм о восстании декабристов «Союз спасения». И, наконец, «на дне» – под всеми премиальными и издательскими шлагбаумами влачит скромное существование литература протестного реализма, живописующая «свинцовые мерзости» современной жизни. Это произведения русских писателей, исповедующих стихийный государственный патриотизм, стремящихся донести до власти (кого же еще?) свои гнев и боль. Писатель, особенно живущий вдали от столиц, не имеет шансов стать сколь-нибудь известным. Сама профессия писателя перестала быть престижной и уважаемой. Заработать на жизнь литературным трудом невозможно. Перед современными российскими писателями сегодня два пути: бороться за свои права или надеяться на счастливый билет, принимать условия игры, когда судьбу литературного произведения решает менеджер по продажам. Результатом стало ежегодное падение тиражей и названий, повсеместное закрытие книжных магазинов, отчуждение народа от книги и повседневного чтения. Государственно-рыночная машина сегодня не мешает писателям свободно творить, но при этом жестко контролирует выход тех или иных авторов в лидеры продаж и властителей дум. Во все времена «скрепами», «обручами» в литературном процессе считалась критика. Белинский, Писарев, а в советское время Кожинов с Палиевским или Алла Латынина с Игорем Дедковым создавали и уничтожали писательские репутации.

Сегодня системно занимающиеся текущей литературой, отслеживающие новинки, держащие в голове «творческий путь» того или иного писателя критики практически исчезли. Остался лишь один «прозектор» – Александр Кузьменков, резавший правду-

матку при Юрии Полякове в «Литературной газете», а нынче перекочевавший в сетевой журнал «Камертон». Но его одного на всю российскую литературу не хватает, да и по части новых идей он особо не заморачивается. Его конек – саркастический анализ стиля и текста. Писательница и публицистка Светлана Замлелова называет современных критиков «могильщиками словесности». Вырождение литературной критики как жанра объясняется многими причинами. Можно говорить о системе высшего гуманитарного образования, не дающего молодым специалистам необходимых для критической мысли знаний. Можно – об идейной ничтожности общественного дискурса, переквалифицировавшегося (посредством сетей и интернета) с обсуждения серьезных проблем на обсуждение щекочущих нервы деталей. Можно горестно признать: каждая литература имеет ту критику, которую заслуживает.

Какие издания нынче печатают критику? Кто платит гонорары за честные, идущие от ума и сердца статьи? Где мотивированные читатели, готовые воспринять слово критика, разделить его гражданскую боль, какие были когда-то у Белинского и Писарева? Остается только надеяться, что скоро появится жгущий глаголом сердца читателей критик, который во весь голос заявит о том, что король современной российской литературы – голый. Он скажет, и все его услышат.

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**

Юрий Козлов